

20

6  
40

СВЯЩЕННИКЪ

АНИКИТА ИВАНОВИЧЪ

КРАСНОВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

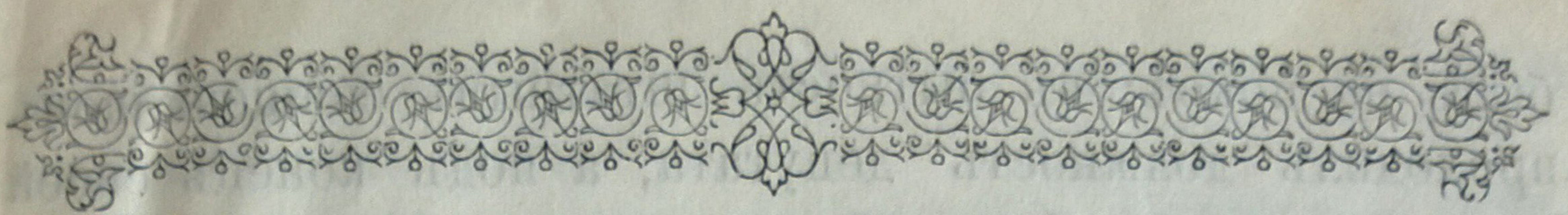
И. Н. В.



МОСКВА.

Типографія Общества распростран. полезныхъ книгъ. Моховая, д. Торлецкой.

1890.



## СВЯЩЕННИКЪ

Аникита Ивановичъ

КРАСНОВСКІЙ.

17-го ноября 1889 года скончался одинъ изъ старѣйшихъ священниковъ Московской епархіи, болѣе полувѣка послужившій въ священномъ санѣ, маститый старецъ, имѣющій отъ роду 81 годъ—іерей Аникита Ивановичъ Красновскій. Чувство нравственнаго долга почтить память покойнаго, заставляетъ насъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Оффиціальный отчетъ о его службѣ очень коротокъ: сынъ дьячка с. Черкизова Коломенскаго уѣзда; родился въ 1808 году; обучался въ Московской Духовной Семинаріи, помѣщавшейся въ его время въ Заиконоспасскомъ монастырѣ; по окончаніи полнаго семинарскаго курса въ 1832 г., поступилъ во священника въ с. Зеленую Слободу Бронницкаго уѣзда; прослуживъ безпорочно на одномъ мѣстѣ 37½ лѣтъ, уволился за штатъ, передавъ мѣсто зятю; по выходѣ за штатъ 15 лѣтъ служилъ по найму „раннимъ священникомъ“ и 5 лѣтъ

быль на покоѣ; въ бытность штатнымъ священникомъ проходилъ должность депутата, а подъ конецъ своей штатной службы былъ благочиннымъ. Наградъ и знаковъ отличія не имѣлъ никакихъ, кромѣ бронзоваго креста за Крымскую кампанію. За выслугу лѣтъ пользовался пенсіей.

Такъ коротокъ и бѣденъ событіями его послужной списокъ, а между тѣмъ этотъ безвѣстный сельскій священникъ много видалъ на вѣку своемъ, много потрудился, и его жизнь была непрерывнымъ рядомъ неисчислимыхъ трудовъ, заботъ и всевозможныхъ лишеній съ ранней юности до глубокой старости. Росъ онъ при мачихѣ, въ семьѣ состоящей изъ 12-ти человѣкъ—6 братьевъ и 6 сестеръ. Такимъ образомъ о. Аникита съ самыхъ первыхъ своихъ жизненныхъ шаговъ обрекался на всевозможныя лишенія. Получилъ онъ образованіе при такихъ условіяхъ, что въ настоящее время не вѣрится, что можно учиться при такихъ обстоятельствахъ. Явившись въ Москву для обученія въ семинаріи безо всякихъ средствъ, онъ буквально *скитался* по Москвѣ, *не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства*, ночуя то тутъ, то тамъ, гдѣ его пріютятъ и дня по два ему приходилось быть буквально безъ куска хлѣба. Чаще всего давалъ ему пріютъ его старшій братъ, давно почившій іерей Іоаннъ, въ то время учившійся въ семинаріи и пользовавшійся монастырскимъ содержаніемъ, дѣлясь съ нимъ тѣмъ, что самъ получалъ отъ монастыря и пуская его на ночлегъ; но это нужно было дѣлать тайно отъ монастырскихъ властей, не позволявшихъ подобныхъ вещей, а потому при каждомъ обходѣ монастырскаго

казначей приходилось скрываться куда попало, чаще же всего подъ койку.

Только уже къ концу семинарскаго обученія о. Аникитѣ посчастливилось достать урокъ за квартиру и столъ и такимъ образомъ пріобрѣсти нѣкоторую осѣдность. Не смотря на такія, можно сказать, *препятствія къ обученію* о. Аникита все-таки съ Божіею помощію окончилъ семинарскій курсъ, что въ то время составляло большую рѣдкость.

Такъ былъ горекъ корень ученія, но не особенно сладки оказались и плоды его. По окончаніи семинарскаго курса о. Аникита поступилъ священникомъ въ с. Зеленую Слободу, мѣсто въ то время настолько бѣдное, что кромѣ его не было еще охотниковъ завять оное. Къ тому же женился на бѣдной сиротѣ—дочери умершаго священника того же села, гдѣ былъ дьячкомъ его отецъ.

На первомъ же году по смерти тещи онъ долженъ былъ дать у себя пріютъ, а въ послѣдствіи выдать за мужъ сироту свояченицу; затѣмъ вскорѣ умираетъ отецъ и ему пришлось взять къ себѣ двухъ сестеръ-сиротъ и одну изъ нихъ выдать за мужъ. Далѣе стали подростать свои дѣти, при чемъ старшіе сыновья умирали, а дочери оставались жить; родившіеся уже послѣдними дѣтьми три сына стали жить и тѣмъ увеличили заботу въ виду будущаго обученія ихъ. Чтобы устроить старшую дочь о. Аникитѣ пришлось израсходовать все скудные сбереженія, накопленные усиленнымъ трудомъ и непрерывными лишеніями, а между тѣмъ подросли сыновья и уже двое обучались въ училищѣ. Чтобы устроить

еще хотя одну дочь (ихъ было двѣ невѣсты) и въ то же время дать возможность сыновьямъ получить образованіе, пользуясь казеннымъ содержаніемъ, онъ, 37½ лѣтъ прослуживши самостоятельно, сдаетъ мѣсто зятю и, имѣя при себѣ жену, дочь—невѣсту и трехъ несовершеннолѣтнихъ сыновей, не желая быть въ тягость зятьямъ, отправляется въ Москву для пріисканія средствъ къ существованію какъ себѣ, такъ и своей семьѣ.

Начались испытанія въ жизни. Первое время онъ терпѣлъ крайній недостатокъ въ жизненномъ довольствѣ: скитался по Москвѣ безъ опредѣленнаго мѣста жительства, нанимаясь отправлять церковныя службы то тутъ, то тамъ, куда звали и гдѣ была въ томъ нужда. Было время, когда онъ не имѣлъ гдѣ главы приклонить; было время, когда „Христа ради“ имѣлъ онъ съ женой пріютъ въ Рождественскомъ монастырѣ \*), пользуясь отъ сурдобольной игуменіи Евфросиніи (царство ей небесное) монастырской кельей и столомъ; было время потомъ, когда онъ жилъ на 15-ти руб. въ мѣсяцъ, выплачивая изъ нихъ 8 рублей за квартиру-уголь, снимаемый въ кухнѣ одного мѣщанина, и въ этой убогой обстановкѣ долженъ былъ проживать самъ-четверть съ женой, дочерью и сыномъ (только поступившимъ въ Семинарію и еще не принятымъ на казенное содержаніе, два же другихъ пользовались казеннымъ содержаніемъ). Только уже поступивши „раннимъ священникомъ“ сначала къ Успенію на Могильцы, а потомъ вскорѣ перешедши

---

\*) Въ этомъ монастырѣ ему пришлось временно исправлять службу за священника о. Рубцова, бывшаго въ отпуску.

къ Троицѣ на Арбатѣ, онъ нашель сравнительный покой себѣ.

При заботѣ о хлѣбѣ насущномъ тяжелымъ камнемъ лежала на сердцѣ неотступно преслѣдовавшая его дума о судьбѣ сыновей, которыхъ онъ не думалъ выростить, что еще болѣе омрачало жизнь его. Терпѣливо несъ старикъ свой тяжелый крестъ. Въ этой тяжелой борьбѣ нравственной его поддержкой была покойная жена его Александра Матвѣевна, неразлучно всюду сопровождавшая его и дѣлившая съ нимъ всѣ невзгоды, женщина религіозная, трудолюбивая, заботливая, горячо любившая мужа и дѣтей. Глубокая благодарность о. о. настоятелямъ, отъ которыхъ о. Аникита былъ въ зависимости, когда былъ раннимъ священникомъ! Сердечное спасибо имъ за ихъ доброе расположеніе и вниманіе къ старику, за ихъ поддержку его въ его трудахъ, за ихъ снисхожденіе къ его немощамъ!

Только чрезъ 50 слишкомъ лѣтъ священства и уже 75 лѣтъ отъ роду Господь привелъ ему увидать своихъ сыновей пристроившимися: старшій сынъ, получивъ университетское образованіе, устроился врачомъ въ Москвѣ, два младшихъ, получивъ академическое образованіе, устроились священниками въ Москвѣ же. Только теперь могъ онъ сбросить съ себя бремя заботъ и уже непосильнаго труда и вздохнуть свободно. Сыновья приготовили ему пристанище для покоя послѣ многотрудной жизни; какъ утѣшался дѣтьми старикъ, какъ радовался на нихъ, окруженный ихъ заботами, онъ юнѣль и разцвѣталъ, видя сыны сыновъ своихъ.

Но тутъ свѣтлые дни его омрачились горестнымъ

событіемъ, нравственно потрясшимъ старика и расшатавшимъ его здоровье: умерла жена его, и жалко было видѣть убитаго горемъ старца у гроба своей подруги, болѣе полувѣка дѣлившей съ нимъ и радость и горе! Здоровье старика надломилось, преклонный возрастъ, нравственное потрясеніе а также понесенные труды и лишенія дали знать о себѣ. О. Аникита становится хилымъ и слабымъ старцемъ, силы быстро слабѣютъ; старикъ таялъ и Богослуженіе, доставлявшее ему отраду, стало не по силамъ. 12-го августа 1889 года въ день своего Ангела онъ послѣдній разъ отслужилъ соборне съ сыномъ литургію; съ 17-го октября онъ уже не въ состояніи былъ ходить, попросилъ положить его на койку, на которой умерла его жена и уже болѣе не вставалъ съ этой койки. Съ полнымъ самоотверженіемъ ходила за нимъ, какъ и за покойною матерью, дочь дѣвица, отказавшаяся отъ замужества для своихъ престарѣлыхъ родителей и малолѣтнихъ братьевъ. Давно уже чувствовалъ покойный приближеніе смерти; еще будучи на ногахъ онъ сподобился Таинства Елеосвященія, совершеннаго надъ нимъ дѣтьми; каждую недѣлю и обыкновенно въ пятницу исповѣдывался и причащался Св. Таинъ; дѣлалъ нужныя распоряженія на случай смерти; горячо желалъ, чтобы хотя одинъ изъ сыновей былъ при его кончинѣ; завѣщалъ, чтобы дѣти священники поспѣшили своими руками облачить его по смерти и еще при жизни настоялъ приготовить облаченіе для его погребенія и пожелалъ видѣть это облаченіе; горячо прощался съ сыновьями, прося cadaго обнять его; неоднократно прощаясь, благословлялъ сыновей „на вся

благая“, какъ онъ выражался, завѣщая каждому честную дѣятельность въ своемъ званіи и покорность волѣ Божіей. 17 ноября въ 3 часа дня онъ мирно почилъ на рукахъ дѣтей; одинъ изъ сыновей священниковъ напутствовалъ его молитвой „на исходъ души“. Сыновья священники облачили его въ священныя одежды, положили подъ святыя иконы, накрыли лицо воздухомъ, дали въ руки Крестъ и Евангеліе и тотчасъ-же совершена была первая панихида по усопшемъ.

Въ тотъ-же день собрались племянники и племянницы покойнаго, глубоко чтившіе и уважавшіе его. Весь слѣдующій день панихиды непрерывно слѣдовали одна за другой, стекавшимися ко гробу усопшаго родственниками и знакомыми покойнаго. 19 ноября въ Воскресенье \*) совершено было отпѣваніе тѣла покойнаго, въ Воскресенской, въ Таганкѣ, церкви. Гробъ вынесенъ былъ въ церковь на рукахъ зятьевъ и сыновей. Литургію совершали зятья, сыновья и племянники покойнаго. Отпѣваніе совершалъ мѣстный о. благочинный Николоямской священникъ о. Іоаннъ Смирновъ въ сослуженіи 14 священниковъ и 8 діаконъ. Гробъ его окружало множество родственниковъ, число коихъ простирается за 70 человекъ; однихъ дѣтей и внуковъ было 25 человекъ. Къ погребенію прибыли проживавшіе въ Москвѣ его прежніе прихожане сельскіе, крещенные имъ, выросшіе на его глазахъ и теперь мно-

---

\*) Здѣсь исполнилось желаніе покойнаго, высказанное одному изъ сыновей: онъ, какъ бы предвидя день кончины, говорилъ: „ты похорони меня въ воскресенье“.



гіе уже убѣленные сѣдинами. Стеченіе народа было такъ велико, что храмъ буквально былъ полонъ народомъ. Во время отпѣванія Ново-Пименовскій священникъ о. В. М. Славскій въ обычное время ска- залъ слово, глубоко тронувшее присутствующихъ и вы- звавшее слезы умиленія. Прощаніе длилось болѣе часа. Изъ церкви гробъ вынесенъ былъ на рукахъ дѣтей и несомый его прежними сельскими прихожанами, на пе- ребой старавшимися хоть сколько нибудь понести „ста- раго батюшку“, въ предшествіи 4-хъ хоругвей, и свя- тыхъ иконъ сопровождался громадною толпою народа до Андроньева монастыря—мѣста послѣдняго упокоенія. Смотри на это движеніе громадной толпы, можно было подумать, что хоронятъ не смиренного и безвѣстнаго сельскаго и уже заштатнаго священника, а какого ни- будь знатнаго и извѣстнаго общественнаго дѣятеля. Такъ наградила его Господь въ сей жизни за само- отверженіе для дѣтей, за его добрыя душевныя ка- чества, за его образцовую честность и усердіе при исполненіи выпавшаго на его долю невиднаго служенія, за его глубокую преданность волѣ Божіей и безропот- ное несеніе своего креста.

Покойный былъ честный исполнитель своего долга и благоговѣйно относился къ службѣ церковной и во- обще къ своимъ священническимъ обязанностямъ. Въ бытность свою сельскимъ священникомъ онъ неуспѣшно радѣлъ о своемъ скромномъ храмѣ. Вмѣстѣ съ церков- нымъ старостою покойнымъ И. М. Ляпуновымъ онъ изы- скивалъ средства украшать храмъ, на сколько можно. Имѣя 1,500 р. наличныхъ денегъ, они расширили храмъ,

устроили его теплымъ, сдѣлали придѣлъ и приготовили мѣсто для другаго, на что было потрачено болѣе 6,000 р. и все это собрано было ими отъ dobroхотныхъ дателей. Много труда и хлопотъ положили они на это дѣло, не ища себѣ никакой награды.

Однимъ изъ отличительныхъ качествъ покойнаго было постоянное довольство своимъ жребіемъ; онъ никогда не хлопоталъ объ улучшеніи своего быта, ничего не дѣлалъ съ тѣмъ, чтобы выдѣлиться или отличиться и всегда былъ доволенъ тѣмъ, что у него есть, совершенно равнодушно относясь къ разнымъ превратностямъ судьбы. Никогда никто не слыхалъ отъ него жалобы на свою жизнь, хотя подчасъ она была весьма нелегка, хотя временами въ ней были такіе случаи, что объ одномъ изъ нихъ страшно и сейчасъ вспомнить. Другими отличительными чертами его характера были: кротость, прямота, добродушіе и простосердечіе. Эти качества дѣлали его уживчивымъ со всѣми, вселяли во всѣхъ любовь и расположеніе къ нему. Онъ ни о комъ не сказалъ худаго слова, онъ не позволялъ себѣ сказать что-либо въ отвѣтъ даже на обиды. Всѣ знали его за человѣка добродушнаго, простаго и безкорыстнаго. Онъ былъ молчаливъ, какъ бы замкнутъ въ себѣ, но всѣ симпатизировали ему. Его домъ съ перваго же года службы, былъ открытъ для всѣхъ, и кто только не былъ у него! Едва онъ поселился въ Москвѣ, какъ его уже ищутъ и съ радостію посѣщаютъ, гдѣ бы онъ ни былъ. У него встрѣчались родственники, не издавшіеся лѣтъ по 30 и даже отъ роду не издавшіеся; его домъ былъ родной домъ для племянниковъ

и племянницъ, обучавшихся въ разныхъ заведеніяхъ, а въ послѣдствіи для внуковъ; у него былъ постоянный ночлегъ для всѣхъ сельскихъ родственниковъ, всякій пріѣзжая въ Москву, считалъ долгомъ навѣститъ „братца“, или „дядюшку“ и „дѣдушку“; всѣхъ привлекало его чистосердечіе и гостепріимство и всякій, не стѣсняясь, чувствовалъ себя у него, какъ у себя дома. Люди уже почтенныхъ лѣтъ и заслуженные звали его „родителемъ“ и „папашей“. Постоянно ровное добродушіе и простота, а также его безкорыстность стяжали ему глубокую любовь и уваженіе между его прихожанами. Онъ былъ отецъ для своихъ сельскихъ прихожанъ, они души не чаяли въ своемъ „батюшкѣ“, со слезами, какъ бы хороня его, прощались съ нимъ, когда онъ сдалъ мѣсто зятю и, спустя 20 лѣтъ, не преминули явиться къ нему на похороны и проводить его до послѣдняго мѣста покоя. Въ бытность раннимъ священникомъ, онъ пользовался любовью и расположеніемъ лицъ, отъ которыхъ находился въ зависимости и вообще всѣхъ, съ которыми такъ или иначе на своемъ служебномъ поприщѣ приходилось сталкиваться. Смѣло заявляемъ это, ибо еще живы всѣ эти лица и они могутъ подтвердить эти слова.

Наконецъ о. Аникита былъ прекраснѣйшій отецъ семейства. Отецъ-другъ, котораго дѣти почитали не за страхъ, но за совѣсть. Онъ никогда не хвалилъ, никогда не бранилъ дѣтей, всегда молчалъ, но какъ-то молча заставлялъ любить и уважать себя и дѣти знали какъ угодить ему. Зятя и невѣстки считали его за роднаго отца, натянутыхъ отношеній никогда не было;

вся новая родня, присоединяемая узами брака его дѣтей, по родному любила и уважала его; маленькіе внучата съ удовольствіемъ бѣжали къ дѣдушкѣ и онъ и ихъ умѣлъ привлечь къ себѣ.

Сыновья много обязаны ему своимъ высшимъ образованіемъ, онъ, уже почти 70-тилѣтній старикъ, не только не отговаривалъ, но всегда поощрялъ ихъ въ предпринятомъ трудѣ дальнѣйшаго высшаго образованія, всячески стараясь помочь имъ. Никогда онъ не вмѣшивался въ дѣла дѣтей: „самъ возрастъ имать“ обыкновенно говорилъ онъ. Когда сыновья устроились и были въ состояніи помочь отцу, онъ стѣснялся воспользоваться ихъ пособіемъ—„пою Богу моему дондеже есмь“ упрямо говорилъ старикъ, когда дѣти умоляли его идти на покой. А какъ любилъ онъ дѣтей! Онъ готовъ былъ все отдать для ихъ блага. Какъ скорбѣлъ о нихъ, когда съ ними бывали непріятности! Когда одинъ изъ сыновей, уже устроившись, тяжело заболѣлъ тифомъ, страшно было смотрѣть на старика; полный глубокаго горя молча ломалъ руки старикъ надъ своимъ метавшимся въ бреду дѣтищемъ, и можетъ быть только горячія молитвы отца спасли сына отъ преждевременной смерти.

Миръ праху твоему смиренный и честный труженникъ, добрый человѣкъ и самоотверженный отецъ! Упокой Господи, душу твою! Прости, что дерзнули сказать нѣчто въ похвалу тебѣ: отъ избытка сердца уста глаголютъ!

